

СИЛНЖКЛЕР

Серия "Приобретение". Пролог

vk.com/fashionable_library
Селия Аарон

Оригинальное название: Celia Aaron «Sinclair» (Acquisition #0.5), 2016

Селия Аарон «Синклер» (Приобретение #0.5), 2017

Переводчик: Иришка Дмитренко

Редактор: Елена Теплоухова

Обложка: Врединка Тм

ГЛАВА 1

Прошлое

Кровь стекала по лицу моей матери и капала на перед ее солнечно-желтого платья. Крики звенели в темноте ночи, пока языки пламени взмывали в небо на соседнем земельном участке.

Абсолютная тишина поглотила дом. Мы с мамой были в нем одни. Я мучительно моргнул, пытаясь стереть из памяти ужасы, свидетелем которых стал. Но когда я открыл глаза, мама все еще была там, все еще смотрела на меня сверху вниз.

— Почему ты плачешь? — она схватила меня за запястье и дернула к широким входным дверям.

Я вытер слезы свободной рукой, когда она вытащила засов и бросила его на пол, ломая деревянные доски. Она резко дернула дверь на себя. Крики больше не были приглушенными. Вопли агонии доносились со стороны полей сахарного тростника, простиравшихся настолько далеко, насколько можно было увидеть в бледном лунном свете. Соседнее поле горело, от ядовитого дыма глаза слезились еще больше.

Мама стремглав спустилась по парадной лестнице. Я закричал, когда моя нога подвернулась на последней ступеньке, но она лишь потянула меня сильнее в сторону поля.

— Мама, пожалуйста! — я попытался упереться пятками в затверделую землю.

Она повернулась и ткнула меня в грудь указательным пальцем.

— *Никогда и никого* не умоляй, ты слышишь меня? Ты — Вайнмонт. Ты не плачешь. Не просишь. Ты делаешь то, что должен, чтобы сохранить знатное имя рода. Ты понимаешь меня?

В месте, куда она ткнула меня, стало больно, а от ее резких слов я заплакал еще больше.

— Мне... мне жаль, мама. Давай вернемся обратно.

Кровь вокруг ее рта засохла коричневой коркой, но потеки на щеках блестели, словно свежая краска. Она нагнулась и стерла слезу с моего лица большим пальцем.

— Пути назад нет, — она уставилась мне в глаза со злобной ухмылкой на устах. Передо мной стояла моя мать, но я не узнавал ее. Что-то случилось с ней за последний год. Что-то плохое. — Пути назад нет. Никогда. Больше никогда.

— Мам, — я взял ее за руку. — Давай пойдем. Идем! Пожалуйста.

Обжигающая пощечина заставила меня пошатнуться.

— Еще нет.

Я держался за щеку. Она никогда не била меня прежде. Я не смог сдержать рыдание, вырвавшееся у меня из груди. Мне хотелось проснуться.

Это должен был быть ночной кошмар.

Она ринулась к краю поля и вырвала один стебель тростника. Мама очистила его от

зеленых листьев и повернулась ко мне в то время, как наш прораб выбежал из-за дома. За ним следовало двое мужчин, которые тащили третьего.

— Сеньора Вайнмонт!

Она ухмыльнулась и взяла меня за руку, волоча обратно к дому. Избитый мужчина поднял голову, кровь обильно стекала по его лысой макушке.

— Ребекка? — он моргнул, его глаза наполнились слезами от едкого дыма, или, возможно, от чего-то еще.

— Для тебя — Суверен, — ее голос был тверд, словно камень чиркнул о камень, но она сделала реверанс, словно маленькая девочка. — Эдвард Роуз. Так приятно снова тебя увидеть. — После она обратилась к прорабу: — Уведите его в дом.

Мужчины утянули мистера Роуза наверх по ступенькам, пока мы следовали за ними. Мама крепко сжимала мою руку в своей хватке. В позвоночнике закололо холодом. Вместо того, чтобы зайти в дом за ними, мне хотелось сбежать. Но крики в поле за нашими спинами вынуждали меня двигаться вперед. Деваться некуда. Моей матери больше не было, хоть эта женщина и выглядела так же, и имела тот же голос, что и она.

Как только мы оказались внутри, прораб снова запер дверь на тяжелый засов. Мужчины поставили мистера Роуза на ноги. Мама обошла вокруг него, ее юбки раскачивались, пока она всматривалась ему в глаза таким чуждым мне взглядом. Не стало той матери, которая читала мне на ночь, усаживала меня к себе на колени и бегала за мной по дому, когда я ездил на велосипеде по комнатам. Эта женщина — с холодными синими глазами и лицом, измазанным кровью — была незнакомкой.

Она прошла вокруг мистера Роуза еще раз. Его взгляд по-прежнему был опущен вниз.

— Суверен, я...

— Шшш, — она встала перед ним, а один из мужчин ухмыльнулся и сделал шаг назад. Мистер Роуз покачивался, но оставался на ногах. Затем она протянула правую руку, ее бледная кожа была все такой же изысканной, хоть и покрыта красным.

Прораб вложил пистолет ей в ладонь, а она передала листья сахарного тростника мне.

Мистер Роуз начал трястись и качать головой, кровь струей вытекала из его уха.

— Я... простите за проблемы с поставкой. Я обещаю, этого больше не повторится. Теперь, когда вы — Суверен, я н-н-не... пожалуйста, — его голос надломился, — пожалуйста, Суверен, я умоляю вас, пожалуйста.

Мама подтолкнула меня вперед, чтобы я оказался рядом с ней. Она сжала пистолет изящными, мертвенно холодными пальцами.

— Думаю, ты знаешь, что для этого уже слишком поздно, — она взвела курок, щелчок прозвучал слишком громко. Так громко, что перекрыл собой даже крики с улицы.

— Так не должно быть, — мистер Роуз наконец-то взглянул на маму, уголки его рта были опущены вниз, подбородок дрожал. — Я дам вам все, что бы вы ни захотели.

— Я уже беру то, что я хочу, — она прижала пистолет к его голове.

Он отклонился, но двое мужчин тут же оказались рядом, удерживая его на месте под локти.

Я схватил ее руку.

— Мама?

— Вот, чему тебе нужно научиться, Синклер. Вот, кем ты должен стать. — Она так и не отвела взгляд от мистера Роуза.

— Нет, — мистер Роуз закричал, брызги слюны потекли по его губам. — Пожалуйста.

Моя семья.

Мама рассмеялась.

— Мертва. Все они мертвы. Никого не осталось. Повеселился на Рождественском суде?

Он потряс головой

— Ч...что?

— Отвечай на мой вопрос. Ты повеселился на Рождественском суде?

— Я делал лишь то, что все...

Она ударила дулом пистолета ему по щеке.

— Я спросила: повеселился ли *ты*. Не все остальные.

— Я... я не помню. Пожалуйста, Ребекка.

Она ударила его в то же место, и он испустил вопль, но мужчины удержали его на ногах, пока кровь смешивалась с его слезами.

— Да, Суверен, я повеселился. Да.

— Помнишь мое Приобретение? Помнишь, что ты сделал с ней? Я до сих пор слышу как она кричала, пока ты насиловал ее, причинял ей боль. Я знаю каждое твое слово, знаю, когда ты говорил ей «взять его» и называл ее шлюхой, когда ты утверждал, что она была пиздой, которая любила, чтобы ее трахали в задницу. Ты помнишь все это?

Мой желудок скрутило в узел, и я отвернулся. То малое количество еды, которое было во мне, вырвалось на поверхность и брызгами низверглось на пол. Прораб прыснул со смеху и отпустил мужчину.

— Синклер! — мама схватила меня за подбородок и повернула мое лицо к себе. — Наблюдай за каждым моментом этого. Не смей отворачиваться. Ты должен научиться.

Я содрогнулся от ее прикосновения, ее ногти впились мне в лицо.

— Ладно.

— Так лучше. А теперь, на чем я остановилась? — она постучала дулом пистолета по своей щеке. — А, точно. Ты насиловал мое Приобретение снова, и снова, и снова.

Мистер Роуз не ответил, но его глаза умоляли мою мать. Я сжимал листья сахарного тростника, пока мои ногти не прорвали их насквозь.

Мама сделала пару шагов назад и потянула меня за собой.

— Не отворачивайся, Синклер, — сказала она мне и подняла пистолет. — Никогда не отворачивайся.

— Пожалуйста... — мольба мистера Роуза была прервана оглушающим выстрелом пистолета. Его правая щека взорвалась, обнажив белые зубы, и он рухнул на пол. Мужчины, которые держали его, отступили назад и стали оттирать кровь со своих лиц.

Я закричал. Рев прорвал себе путь из моего горла, когда мама отдала пистолет прорабу уверенной рукой.

Тот кивнул и улыбнулся.

— *Muy bien*, сеньора Вайнмонт.

Крик умер во мне, легкие воспламенились от нехватки воздуха. Я сделал резкий вдох и уставился на мистера Роуза, неподвижно лежащего на полу. Один из мужчин пнул его ногой и перевернул на спину. Только левый глаз остался невредимым, и он уставился на меня. Если бы его рот смог двигаться, он бы сказал, что все это было по моей вине.

— Уберите его отсюда и приведите все в порядок, — мать махнула им рукой и потянула меня за запястье.

— Мама? — я позволил ей затащить меня в столовую. Она усадила меня на стул, села

напротив, затем вырвала листья тростника у меня из рук. В ушах звенело от звука выстрела, и я не мог остановить свои слезы.

— Мамочка? — она нужна была мне больше, чем когда-либо. Куда она подевалась?

Женщина напротив меня улыбнулась.

— Протяни руку.

Меня трясло так сильно, что я слышал стук своих зубов.

— Н... нет.

— Синклер, протяни руку и положи ее на стол, — ее голос стал суровее. — Сейчас.

Я с трудом сглотнул и положил руку на край стола. Она потянулась и дернула ее так, что мне пришлось наклониться вслед за вытянутой рукой. Слезы капали на темный пол под моими ногами.

Она отщипнула от листка сахарного тростника и провела пальцем по нему. Кровь выступила там, где она скользнула по острому краю.

Мама улыбнулась и опустила руку ладонью вниз на стол рядом с моей.

— Что ж, давай начнем.

ГЛАВА 2

Настоящее

— Ты слышал, кого избрали в этом году? — судья Монтанье пригубил свой бурбон. Он развалился в кресле, а черная мантия на нем была расстегнута,

Я потянул свои рукава, убедившись, что запонки сидели идеально.

— Нет, Судья, точно не слышал. Должен быть интересный год, если Кэл во главе, — улыбнулся я. Это был чисто механический жест. Иногда мне приходилось обдумывать, как бы среагировал обычный человек на предложение или действие, а затем пытаться подделать свой ответ в такой же манере.

— Дождаться не могу. Рождественский суд всегда был моим любимым. Ты был на балу, когда выиграл Кэл? — мужчина сдвинулся выше в кресле, а секретарь между его ног продолжал издавать причмокивающие звуки, опуская и поднимая голову в районе паха судьи Монтанье.

— Нет, должен признаться, что в том году сахарный бизнес воззвал ко мне из чужих земель, — я прикончил свой бурбон и поставил стакан на отполированный деревянный стол справа от себя.

Судья Монтанье закрыл глаза и схватил за голову юношу, притягивая его ближе. После серии звуков, которые, подавившись, издал секретарь, судья низко застонал, и все было кончено. Секретарь сел на пятки, позволяя слюне стекать по губам и хватая воздух ртом. Он вытер глаза рукавом, и они оказались наполнены слезами.

В моем омертвелом сердце для него не нашлось жалости. У меня даже не было представления о том, что подразумевает под собой это слово. Чувство? Мысль? Мне жилось лучше без этого, не то, чтобы у меня по факту был выбор. Если начистоту, я не мог скучать о чем-то, чего никогда не испытывал.

Вокруг меня витала тоска, и я хотел, чтобы слушание закончилось как можно скорее.

Будучи окружным прокурором города, мне нужно было выдвигать обвинения по всем криминальным делам, пока судья Монтанье устраивал спектакли, восседая во главе суда. Работа приносила веселье лишь, когда я находил действительно гадкую крысу среди преступников и заставлял ее пищать.

К счастью, я нашел такую крысу в Леоне Руссо. Его обвинение было представлено в документах по делу, и у меня были огромные планы расследовать каждую бумажку и каждый пенни, который был переведен на, или с его счетов. Превращение его жизнь в суций ад станет для меня небольшой забавой на некоторое время, по крайней мере, пока я не найду что-то получше.

Судья Монтанье застегнул штаны и похлопал парня по голове.

— Хорошая работа. Теперь беги и дай им знать, что я вернусь в зал заседания через мгновение.

Секретарь встал, его щеки покрылись пунцовым цветом, и он ушел.

— Думаю, теперь мой выход, — я поднялся, пока судья поправлял свою мантию и разглаживал белый парик.

— Увидимся снаружи. Хочешь, чтобы я кого-нибудь зажарил сегодня?

Я ухмыльнулся.

— Уверен, как раз сейчас я смогу справиться с этим сам. Вы и так достаточно повеселились. Теперь моя очередь.

Он улыбнулся, морщины вокруг его рта придали его тонкой коже вид мехов аккордеона.

— Лучше и не скажешь.

Я застегнул верхнюю пуговицу своего пиджака и вышел из комнаты судьи. Пристав кивнул мне, когда я обогнул лавку и направился к столам адвокатов. Государственный защитник уже сложил бумаги на своей стороне. Моя же была пуста. Я знал дела; бумаги были излишни.

Я просканировал галерку за низким деревянным ограждением, разделяющим зал заседания. Леон Руссо сидел и пялился на меня своими поросычьими глазками. Но не он привлек мое внимание. Я не остановился, но не мог оторвать глаз от рыжеволосой девушки, находящейся рядом с ним.

Склонив голову, она сидела в черном костюме. Юбка слишком длинная, на мой вкус, и слишком скромного покроя. Такая чопорная. Я хотел бы поиграть с ней, погонять по кругу, позабавиться, словно кот со смертельно раненой мышью.

Меня никогда прежде не тянуло к кому-либо. Ощущение было странным, раздражающим. Примем во внимание, что ее рыжие волосы смотрелись бы идеально, будучи намотанными на мой кулак, и мне пришлось сделать резкий вдох при мысли о ее коже с отметинами от моего ремня.

Я прошел оставшееся расстояние до своего стола, но она не подняла взгляда. Пламя желания начало разгораться ниже в моем теле, но я понял, что она была очень покорной. Я бы разрушил ее в мгновение ока, а мне не хотелось играть со сломанными игрушками. Какая жалость.

Но потом она посмотрела на меня. Ее зеленые глаза пригвоздили меня к месту, и сердце больно ударилось о ребра. Она была чем-то большим. Намного большим. Ее взгляд, полный ненависти, обжег меня, словно клеймо, и я хотел этот ожог. Я хотел вернуть его ей, заставить ее стонать и выкрикивать мое имя — от агонии, от удовольствия, или от смеси одного и второго. Она держала меня на мушке, словно ненависть в ее глазах загнала меня в

угол.

— Советник Вайнмонт? — голос судьи Монтанье эхом отбилась от деревянных стен. —

С каким делом вы бы хотели разобраться в первую очередь?

Я резко перевел взгляд с девушки на Леона Руссо и обратно. Он крепко сжимал ее руку в своей. Имя витало у меня в мыслях. Дочь, у него была дочь. *Стелла*. Я ухмыльнулся от того, что вспомнил, как ее зовут, а она в ответ вскинула подбородок вверх.

Так и удерживая ее взгляд, я громко произнес:

— Ваша честь, в первую очередь я бы хотел рассмотреть дело Леона Руссо, если вы не против.

Когда она склонила голову вниз, зверь, живущий в моем опустошенном сердце, взвыл. Она воплощала огонь, но ее получилось усмирить. Доминировать над ней. Я смог это сделать. И уже чувствовал потребность повторить это.

ГЛАВА 3

Над домом в викторианском стиле нужно было поработать — краска на оконных рамах отслаивалась, и крыша местами просела. Трава была аккуратно подстрижена, а крыльцо ходило ходуном из-за рассохшихся деревянных опор, которые расшатывал ветер. Что-то в этом болтании заставило меня подумать о том, что она часто качалась на крыльце на качелях. Может, ей нравилось читать.

— Готовы? — голос шерифа Вуда прохрипел, заглушая настроенное вручную радио в моей машине.

Я щелкнул кнопкой сбоку.

— Лучше и не скажешь.

Несколько полицейских поспешили из машин без опознавательных номерных знаков, выстроенных вдоль улицы. Некоторые из мужчин приблизились к переднему крыльцу, остальные обогнули дом сзади. После того, как мистер Руссо заявил, что не виновен двумя неделями ранее, я пустил в ход все способы, чтобы раздавить его. Только я мог решить, разрушить ли его жизнь, и я с нетерпением ждал момента, когда буду наблюдать за тем, как это произойдет.

Я выбрался из своей машины и оперся на нее; солнце грело кожу и пыталось проникнуть через мои темные очки.

Шериф Вуд сперва тихо постучал в дверь, а затем размахнулся и ударил по ней ногой. Его помощники ворвались внутрь, словно там их ждал самый опасный преступник. По факту, мистер Руссо был всего лишь мелким мошенником и мастерским лжецом.

Но мне нравилось устраивать грандиозное шоу и хотелось встряхнуть клетку, в которой заперлась его дочь. Всего один взгляд на Стеллу — и ее образ преследовал меня. Ее проникновенные глаза, эмоции, бурлящие под поверхностью, были выгравированы у меня в мыслях. Она было чем-то иным. Чем-то диким. В то время, как я был тихим омутом, и ничто не смело потревожить мою поверхность, она была ниспадающим водопадом. Живым, пока я был мертв, шумевшим, пока я молчал.

Она была загадкой. Загадкой, которую я должен был разгадать и уничтожить.

Я нашел на нее все, что смог — фото из школьного альбома выпускников, газетные

вырезки о самоубийстве ее матери. Собственная попытка Стеллы покончить с собой заинтересовала меня, я узнал об этом лишь после того, как получил ее медицинскую карту от доктора Уорда, друга семьи Вайнмонт. Отец нашел Стеллу после того, как она порезала себе запястья. Что или кто заставили ее сделать это? Он?

Крики вернули меня к насущным делам. Голоса зазвучали внутри дома, а затем притихли. Удовлетворенный тем, что все было взято под контроль, я зашагал к взломанной двери. Маленькая библиотека по левую сторону от входа, комната отдыха — по правую. Я продолжил путь по узкому коридору, звук шагов заглушал изношенный ковер.

— ...ворваться сюда и делать, что вам вздумается!

Я повернул за угол в гостиную, где мистер Руссо, Стелла и молодой блондин стояли под надзором двух блюстителей порядка. Остальные обшаривали стол мистера Руссо. Шум наверху сказал мне, что там ломали вещи во время «обыска».

Как я и приказал.

— Сынок, не заставляй меня забрать тебя. Ночь в тюремной камере...

— Вы не посмеете. Моя мать...

— Мне дважды плевать, кто она такая. Это официальное расследование округа. Если вы препятствуете, я вас арестую. Я ясно выражаюсь?

— В этом нет необходимости, — я подошел к помощнику, когда сверху послышался очередной грохот.

— Вы. — Мистер Руссо сузил глаза и положил руку на талию Стеллы. На ней была белая футболка и джинсы. Простое сочетание, облегчающее ее изгибы. Они будут смотреться лучше с пятнами крови и слез, а может, и того, и другого.

Молодой парень ощетинился.

— Не смотри на нее.

Я поймал его взгляд всего на мгновение. Он обладал развитой мускулатурой и толстой шеей. Учитывая его одежду — игрок в лакросс. Принимая во внимание его мышцы — падок на стероиды. Я равнодушно посмотрел на него и повернулся к мистеру Руссо.

— У меня есть ордер. Уверяю вас, в нем все указано.

— Подписанный этой змеей Монтанье, без сомнений, — бросила Стелла.

Мазок голубой краски на ее щеке, пальцы в пятнах от такой же голубой и еще желтой краски. Я посещал галерею в городе и изучал некоторые из ее картин, которые были там выставлены. Темные, наводят на размышления. Но они мне понравились. Палитра на ее пальцах в данный момент была светлее. Я бы поработал над цветом, толкая ее дальше и дальше в темную глубину. В конце концов, это был лишь первый обыск из многих. Я намеревался отвинтить даже шурупы его стола, пока Леон Руссо не будет вздрагивать от каждого звука и бояться, что я окажусь монстром, живущим под его кроватью.

— Змея, мисс Руссо? Разве мудро ставить под сомнение честь судьи, особенно, когда он рассматривает дело вашего отца?

— Мы не слепые, мистер Вайнмонт. Я видела вас в его комнате до предъявления официального обвинения.

Ее плечи были отведены назад, и на лице был написан вызов. Мой взгляд скользнул вниз к затвердевшим соскам. На ней не было лифчика. Пожалуй, она проводила спокойный день в своем доме, пока большой серый волк не пришел к ее порогу. Теперь, когда волк оказался внутри, мне хотелось проглотить ее.

— Вы и мою честь ставите под сомнение? — ухмыльнулся я.

— Что вы знаете о чести? — бросила она мне в лицо так резко, что кровь застучала у меня в висках. Если бы я ударил ее, заткнулась бы она или ударила в ответ? Я надеялся на последнее.

— Очевидно, больше, чем семья Руссо, — я осмотрел комнату. Наброски и картины висели в ряд на дальней стене возле высоких узких окон, выходящих на задний двор. Помощник прошел к ним и сорвал одну.

— Нет, — мой голос прозвучал тихо, но полицейский посмотрел на меня, казалось, содрогнувшись, и положил ее на стоящий рядом стол. Он не тронул больше ни одну из них.

— Вы не можете сделать этого, — мистер Руссо потряс головой и наклонился к Стелле. Он походил на паразита, высасывающего ее жизнь.

— Все сделано, — я еще раз посмотрел на Стеллу долгим, оценивающим взглядом. Ее рыжие волосы спадали волнами по плечам. Мне хотелось пометить ее алебастровую кожу своими зубами.

— Я сказал, хватит на нее смотреть, — молодой парень выступил вперед.

— Дилан, не надо, — предупреждение зазвучало в ее голосе. Она была умна. Еще один шаг — и я уложу Дилана на лопатки.

— А ты кто? — я прошел мимо Дилана и стал изучать самый ближайший ко мне набросок. Я уже знал, кто он, но из вежливости решил спросить. Мать всегда хотела, чтобы я был вежливым, хотя не с такими отбросами, как Руссо. Никто из них не имел для меня значения, даже Стелла. Мы принадлежали к разным видам.

— Дилан Деверо, приемный сын Леона.

Наброском оказался нож, чья гладкая поверхность почти блестела на бумаге. Рукоять выполнена в темно-коричневых оттенках красного дерева, и я улыбнулся лужице крови, которая собралась под ним, некоторые капли атели пятнами на лезвии.

— Думаю, мы здесь закончили, — шериф Вуд подозвал своих помощников, которые уносили коробки с документами в машины. Они опустошили все ящики стола мистера Руссо и, очевидно, взяли другие бумаги, которые нашли в доме.

— Сколько ты хочешь за эту картину? — я повернулся и уставился Стелле в глаза — до сих пор обворожительные и полные ненависти.

Это было только началом. Ее ненависть станет фундаментом для других эмоций, которые превратятся в глухой шепот по сравнению с ее желанием уничтожить меня. Мне нужно было испробовать ее ярость, почувствовать ее вкус у себя на языке.

— Она не продается, — ее слова были лишены эмоций, но я увидел быстрый трепет венки на ее шее. Ее сердце бешено стучало.

Я стрельнул взглядом в ее отца.

— Не будьте глупцами. Продается все, правильно, мистер Руссо?

— Убирайтесь отсюда, — со злостью бросил он.

— Пока ваше фальшивое презрение продолжает забавлять, боюсь, присяжные не поверят вам так, как это делает ваша дочь. Так какова цена? — я удерживал взгляд на Стелле. Я хотел, чтобы она сдалась, хоть и знал, что этого не будет.

— Я лучше сожгу ее, чем продам вам, — ее голос прозвучал подобно низкому рычанию, когда последние представители закона покинули дом.

Ее ненависть была волной жара в холодный день. Я хотел отнимать ее тепло, каплю за каплей, пока не доберусь до центра. Но, добравшись до него, я истреблю ее огонь, или буду подпитывать его, пока ярость этого пламени не выйдет из-под контроля?

У меня не было ответа. Но я знал, что хотел, чтобы она оказалась подо мной, чтобы мои руки бродили по ее телу, а ее кровь ощущалась у меня на языке.

— Советник? — Шериф Вуд прислонился к двери, забавляясь с ремешком, который удерживал его пистолет в кобуре, расстегивая и застегивая его, снова и снова.

Стелла смотрела на меня, пока я проходил мимо нее.

— Может, мы сможем продолжить наши переговоры во время следующего моего визита.

— Вы уже забрали все, что хотели, — голос ее отца оцарапал мой слух, словно когтями.

Повернувшись на пятках, я окинул взором Стеллу сверху донизу. Линию ее ног, ширину бедер, узкую талию, высокую, округлую грудь. Она неловко переминалась с ноги на ногу под моим испытующим взглядом.

Я выдержал ее вызов.

— Это мне решать, когда я заберу все, что хочу.

ГЛАВА 4

Я лежал в своей постели и изучал фото Стеллы. Ее образ уже вьелся в мою память, и не было надобности разглядывать снимок дольше. Но я смотрел.

Кто-то из моего офиса сфотографировал ее, пока я покидал зал суда после заседания. На солнце ее волосы приобрели еще более живой рыжий оттенок. Хотя глаза были наполнены грустью. Я хотел увидеть, как они блестят от слез.

Мой член дернулся от желания причинить ей боль. Станет ли она умолять? Огонь в ее глазах говорил мне, что нет. Скорее всего, он скажет мне разжечь его больше, толкнуть ее на грань. Ее взгляды в мою сторону — во время последнего обыска, и до этого, и самый первый, когда она открыто бросила мне вызов. *Блядь.*

Она жаждала разорвать меня. Мне хотелось, чтобы она сопротивлялась, пока не сдастся, не сломается и не примет поражение. Я испробую каждую слезу, каждый крик боли, и, в итоге, каждый крик удовольствия.

Жесткость, которую я видел в ней, заставила меня застонать, и мои бедра дернулись вверх. Я скользнул рукой по члену, пляясь на фотографию. Ее изящная шея идеально подойдет моим рукам. Выронив снимок, я закрыл глаза, представляя ее бледное тело, шрамы на запястьях, ощущение ее мягкой кожи. Я хотел подчинить ее своей воле, заставить упасть на колени и использовать — с ее желанием мести в глазах, но с моим членом во рту.

Я сбросил с себя простыни. Ее рот окутывал меня, гладкий язык скользил по моему стволу. Я связал Стелле руки за спиной, а ее попка уже носила красные отметины от моей руки и ремня.

Облизывая губы, я представил ее вкус на них, пока она отсасывала мне, и ее взгляд неотрывно следил за мной. Я намотал волосы Стеллы на кулак и притянул ближе, пока мой член не оказался похоронен глубоко в ее горле. Ее глаза наполнились влагой, и я знал, что она не могла дышать. Я и не хотел, чтобы она дышала. Ее жизнь была в моих руках, и я мог убить ее, не раздумывая ни секунды.

И все же зеленые зрачки горели ненавистью, и она попыталась отбиться от меня. Я не позволил ей, пока ее глаза не начали расширяться, а ресницы трепетать. Я вытащил свой

член из ее рта, и она резко набрала воздух. Мне нужно было оказаться в ней, так что я бросил ее на кровать. Стелла вскрикнула от боли в руках, связанных у нее за спиной, и я испил этот сладкий звук. Раздвинул ее ноги и вошел без предупреждения. Я брал то, что хотел. Ее глаза распахнулись от неожиданности и этой восхитительной вспышки агонии.

Я принялся быстрее водить рукой, сжимая себя, как сжимала бы ее киска. Стелла боролась, пытаясь отбиться от меня. Я же только глубже вколачивался в нее. Мои яйца сильно подтянулись, когда я накрыл ладонью ее рот, чтобы приглушить крики.

Погружаясь в нее, я вымещал на ней каждую вспышку ее же ярости своими тяжелыми толчками. Она не сломается. Мне нужно было стараться лучше. Я смогу. Я ускорил свой темп, с каждым толчком оставляя синяки на ее бедрах, на ее киске. Скользнув вниз рукой, я безжалостно сжал ее грудь. Ее глаза сузились, вызов в них был живой и непоколебимый. Я сдвинул ладонь вверх, чтобы теперь накрыть не только ее рот, но и нос.

Стелла попыталась отвернуться, но не смогла избежать моей крепкой хватки. Воздух не поступал в ее легкие. Она стала бороться отчаянней, но я продолжал брать ее, врезаясь в ее плоть, потому что владел ею. Я не смягчился, удушая ее, пока смотрел в эти непокорные глаза. Ее тело дернулось, все еще силясь найти воздух.

Когда она поняла, что я не остановлюсь, что-то еще зажгло ее взгляд, одна вещь, которую я хотел увидеть все это время. Страх. Я кончил, мой член подрагивал в руке, пока сперма струями попадала мне на живот. Спустя мгновение я расслабился на кровати, все еще чувствуя пульсацию в ладони и громкий стук сердца.

— Блядь, — я уставился в потолок, пытаюсь сложить все куски себя заново. *Она — никто. Никто.* Она была ничем для меня, просто телом, которое я хотел использовать. Ничем.

В этот раз она сидела на качелях и читала, когда внедорожники подъехали к ее дому. Стелла подняла взгляд, покачала головой, и снова вернулась к книге. Помощники шерифа выбрались из машин и зашагали к крыльцу. Они помаячили перед ней ордером. Девушка проигнорировала его.

Сказала что-то, чего я не смог расслышать, и махнула в сторону двери. Еще десять человек вошли в дом. Я попросил их быть сегодня более грубыми, чем в последние два раза. Во время сегодняшнего «обыска» будет испорчено больше, чем просто парочка вещей. Я ухмыльнулся и продолжил смотреть на нее. Горячий летний бриз зашевелил первые упавшие листья на газоне неподалеку. Осень на пороге, а суд над ее отцом был назначен на следующую неделю.

Два дня для дачи показаний — и он будет осужден. У присяжных округа не будет другого выхода, особенно учитывая ту грязь, которую я выдал им на этого старика. Затем приговор. Я отправлю его в самую гнусную тюрьму штата. Его страдания сделают Стеллу слабой и готовой для того, чтобы я забрал ее.

Девушка продолжала читать, оглянувшись в сторону дома всего пару раз, скорее всего, когда слышала, как внутри что-то ломалось. Я был разочарован, что она не встала и не пошла проверить, или не устроила сцену, но я лучше понаблюдаю за ней, пока сижу здесь. Я знал, что происходящее беспокоит ее, и что так будет лучше для нас обоих.

Я скользнул взглядом по V-образному вырезу ее рубашки. Спортивные шорты открывали длинные ноги, и я наслаждался тем, как ее голени переходили в изящные узкие лодыжки. Мне хотелось завязать на них узлы из веревки и раздвинуть их. Флоггер на киске пошатнет уверенность любой женщины, даже Стеллы.

Ветер снова усилился и расшевелил ее волосы, от чего несколько прядей полетели ей в лицо. Она смахнула их и потянулась. Ее спина выгнулась. Мой член увеличился до болезненных размеров. Девушка соединила руки в замок и вытянула их за спиной, бросая взгляд на дорогу. Стелла замерла, когда ее глаза встретились с моими.

Она снова дернула головой в сторону дома, прислушиваясь к звукам внутри, и поморщилась. Помощники, скорее всего, строго следовали моим инструкциям. Отбросив книгу в сторону, Стелла встала, ее взгляд ни на секунду не отрывался от меня, пока она шагала вниз по лестнице, тихо ступая босыми ногами по бетону.

Я не смог остановить ухмылку, которая дернула уголок моего рта вверх. Она хотела противостояния. Я дам его ей. Опустив стекло пассажирской двери, я ждал. Она подошла и наклонилась. Я увидел край ее простого белого бюстгальтера. Я мог бы сорвать его за пару секунд, и я хотел это сделать. Когда я услышал ее аромат — она пахла сиренью, мой член стал твердым и болезненным. Пиджак скрыл эрекцию. Стелла удерживала мой взгляд, огонь внутри нее полыхал сильнее с каждой секундой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Довольны собой? — Даже когда она была жесткой, ее голос все равно лился, словно мелодия.

— Простите, мисс Руссо. Не совсем понимаю, о чем вы говорите. — Моя маска была на месте — я был окружным прокурором, общественным служителем до мозга костей. Все, что я делал, было во имя закона.

— Здесь ничего нет. И не было с тех пор, как вы пришли в первый раз. Зачем вы это делаете? — Она уставилась на меня, но не видела. Была лишь моя маска.

— Я должен убедиться, что собрана каждая улика. В конце концов, вы бы не хотели, чтобы я пропустил какой-нибудь документ или вещь, которая могла бы оправдать вашего отца, не так ли? Мне нужно тщательно все проверить.

Она впиалась ногтями в резиновый уплотнитель окна машины.

— Вы ни на секунду не сможете меня обмануть. Вам просто нравится мучить его. Это все, что вы делаете.

— Я всего лишь выполняю свою работу в должности, на которую был избран. Удерживаю мошенников вроде вашего отца подальше от округа.

— Вы лжете.

Всегда.

— Мне жаль слышать, что вы так думаете. Правда, жаль.

— Увидимся в суде. Там никто не поверит в вашу ложь.

Я щелкнул языком и покачал головой.

— Вы думаете, он выиграет суд, не так ли? — рассмеялся я. — Глупо. Но опять-таки, я никогда не считал вас умной. Как и его.

— Оскорбляйте меня, сколько хотите, но правда всплывет. Моего отца оправдают, потому что он невиновен.

Так она на самом деле верила в ложь своего отца. Почему ей так тяжело было поверить в мою?

— Увидим. А теперь у меня есть более важные дела, чем слушать ваши обвинительные речи. Если вы позволите.

Я завел машину.

Она не сдвинулась, ее зеленые глаза все еще смотрели на мою маску. В ней не было трещин, и она никак не могла увидеть то, что под ней. Я сделал ее настолько мастерски, что люди и понятия не имели, что это фальшивое лицедейство.

— Я вижу вас, — произнесла она сквозь стиснутые зубы.

— В этом есть смысл, так как я сижу перед вами при свете дня. — Волоски у меня на затылке зашевелились, когда она уставилась более пристально, глядя на меня с блеском в глазах.

— Нет. Я вижу настоящего вас. Не думайте, что обманули меня хотя бы на секунду. Это может сработать на всех остальных. Но я вижу, кто вы на самом деле, — она оттолкнулась руками от машины. — И вы мне отвратительны.

— Если это была какая-то угроза, мисс Руссо, то вы не по адресу. Может, вам стоит поработать над своей интонацией и попытаться в следующий раз. Я попробую притвориться, что мне по-настоящему страшно, — я повернул руль.

Она попятилась, когда я ударил по газам и выехал на трассу. Я пялился на нее через зеркало заднего вида, ее руки были скрещены на груди, а уголки рта зло опущены вниз.

Я не хотел уезжать. Что мне хотелось сделать, так это схватить ее за рубашку и забросить в машину. К сожалению, ее похищение при свете дня — не вариант. Но если бы я сделал это, сколько времени прошло бы до того момента, как она закричала? Прежде, чем настоящий страх захватил бы ее и расплавил сталь, из которой был отлит ее характер?

Я не знал, но хотел выяснить.

ГЛАВА 5

— У меня больше нет вопросов. — Адвокат мистера Руссо занял свое место. Глупец вызвал своего подзащитного на дачу показаний под присягой, когда тому лучше было молчать.

Я хрустнул пальцами, сжимая кулаки, и судья Монтанье отвернулся от присяжных, чтобы спрятать свою ухмылку. Это будет весело.

Скамья была полностью занята потерпевшими от махинаций мистера Руссо, и каждый из них уже дал показания по делу. Присяжные выслушали все обвинения, все слова о грязном махинаторе, которым был мистер Руссо.

Стелла сидела позади своего отца, мешки у нее под глазами становились все больше день ото дня. Мы только что вернулись с обеденного перерыва, я был более, чем готов использовать свое время для того, чтобы выжать из ее отца всю ложь до последней капли, и преподнести ее присяжным — и Стелле — на обозрение.

Я приступил к делу. Бросил короткий взгляд через плечо, когда встал и застегнул

пиджак. Стелла продолжала смотреть на отца. Ладно.

— У меня есть несколько вопросов, если вы не возражаете, Ваша честь.

— Вы можете допросить обвиняемого. — Монтанье вел себя сдержанно и откинулся в кресле, приготовившись к шоу.

Я вышел вперед и встал прямо перед присяжными. Суд шел над Леоном Руссо, но звездой шоу был я.

Я сжал руки перед собой, ведя себя сдержанно в каждом просчитанном движении.

— Мистер Руссо, я — Синклер Вайнмонт, окружной прокурор. Мы встречались прежде.

— Я знаю, кто вы, — его язвительный ответ хоть и был понятен, но не очень хорошо смотрелся в глазах присяжных. Две леди в последнем ряду недовольно поерзали на своих местах.

— Вы помните встречу с миссис Колдвел? — я указал на пожилую даму в теннисных туфлях, которая держалась за ходунки. Она сидела в переднем ряду, и ее усталое лицо было испещрено морщинами.

Мистер Руссо кивнул, пот каплями собрался над его верхней губой.

— Да.

— Вы сказали ей вложить деньги в проект «Мирабелла», что сделало бы ее участником долевой собственности?

— Да.

Я повернулся к присяжным, имитируя поучительный тон.

— Участие в долевой собственности означает, что несколько инвесторов вместе решают купить собственность, такую, которая сдается в аренду полностью и предоставляет постоянный доход через арендную выплату и увеличение стоимости на рынке недвижимости. Я прав, мистер Руссо?

— Да.

— «Мирабелла» была хорошим вложением для миссис Колдвел?

— Да, — его тон становился более напряженным с каждым ответом.

— Он принес бы ей постоянный доход, чтобы покрыть ее текущие расходы?

— Да.

— Особенно, если бы рынок жилой недвижимости поднялся, как сейчас?

— Да.

— Что ж, — я повернулся к присяжным. — Это было весьма целесообразное и мудрое вложение?

— Да.

— Но вы не вложили ее деньги в «Мирабеллу», не так ли, мистер Руссо?

Он с трудом сглотнул и отвернулся.

— Мистер Руссо, вы вложили ее деньги в «Мирабеллу»?

— Я...я...

— Простое «да» или «нет». Что вы ответите?

Его влажные глаза опустились вниз.

— Нет.

— Вы сказали ей, что вложили?

— Да.

— Но по факту вы направили деньги на другой счет?

— Да.

— Счет, приносящий процентный доход на ваше имя?

— Да, но я собирался перевести ее вклад...

— Вы никогда не инвестировали во что-либо другое, не так ли?

— Нет, но я собирался, — мужчина отвечал быстро. — Я ждал, пока рынок взлетит...

— Миссис Колдвел ни разу не получила процентов от своих вложений?

— Нет. Но если вы позволите мне объяснить... у нее было несколько ежегодных выплат, которые значительно уменьшали сумму ее вклада быстрыми темпами. Я бы перевел ее деньги на счета «Мирабеллы», как только получил бы деньги от страховых компаний, но вы заморозили мои счета до того, как у меня появился шанс.

— Понимаю, — кивнул я, соглашаясь с его заявлением. — Так вы пытались помочь миссис Колдвел?

— Да, — он окинул присяжных взглядом, пытаясь создать зрительный контакт с каждым.

— Вы осведомлены с правилом для финансовых консультантов вроде вас, которое гласит, что слияние всех вкладов приводит к полному лишению права адвокатской практики?

— Да, но...

— И вы не будете отрицать, что орган государственного регулирования финансов лишил вас права быть финансовым консультантом три месяца назад?

Он обратил свой взгляд на меня.

— Из-за вас. Потому что вы дали лживые показания против меня. Я не сделал ничего плохого.

— Ничего плохого? Разве не вы только что признали, что перевели деньги миссис Колдвел на собственный счет?

— Да, но...

— Вы помните свою первую встречу с мистером Калгари? — я указал на пожилого мужчину в инвалидном кресле, который глазел на мистера Руссо.

Миссис Колдвел, мистер Калгари, миссис Грин, мистер Брэдли, мистер Хесс, мистер Грэйвз, миссис Оппен, мистер Трэвис — я прошелся по каждой из жертв, каждой транзакции, каждому примеру несоответствия. Мистер Руссо извинялся каждый раз, когда я указывал, что их вклады всегда оказывались на его собственных счетах. К концу моего перекрестного допроса несколько присяжных откинулись на своих местах, скрестив руки на груди. Они не поверили его словам и испытывали к нему отвращение, как и я.

Когда я закончил, и извинения мистера Руссо наконец иссякли, я повернулся к судье.

— У обвинения вопросов больше нет, Ваша честь, но мы намерены предложить вынести обвинительный приговор в рамках закона, учитывая показания, данные сегодня мистером Руссо.

— Мистер Руссо, вам слово, — судья Монтанье посмотрел на стол защитника мистера Руссо. — У вас есть что сказать?

Бездарный адвокат встал и начал возиться со своими бумагами.

— Я, эм, я протестую и прошу вынести оправдательный приговор.

— Оба прошения отклонены. Решение предоставляется присяжным, — судья посмотрел на свои часы.

— Без пятнадцати четыре, Ваша честь.

— Спасибо, советник Вайнмонт. — Он покачал головой. — Эти старые глаза почти не

видят так, как раньше. Я разрешаю закончить заседание, изложить суть обвинения присяжным и позволить им начать обсуждение.

Я прошел к своему столу, по пути неотрывно глядя на Стеллу. Она пыталась обуздать свои эмоции, но тщетно. Злоба, ярость и боль большими буквами читались на ее бледном лице. Я смаковал каждую эмоцию, зажигавшую ее, словно искры.

Судья объяснил присяжным основные пункты предъявленного обвинения, и как они должны действовать, чтобы вынести свое решение. Затем он отправил их в совещательную комнату. Как только последний присяжный покинул зал суда, Стелла поспешно прошла через деревянную дверцу между главной частью и галеркой и обняла своего отца. Дилан последовал за ней и опустил свои мясистые руки на спину Стеллы.

Я окинул его взглядом с ног до головы. Он был крупным, но я убивал и более впечатляющих здоровяков, чем он, голыми руками. То, как он коснулся ее, зажгло что-то внутри меня, и я не знал, как это назвать. Чувство было такое, словно скользкий угорь извивался у меня в желудке. Оно смешалось с единственным ощущением, которое я мог признать — ненавистью.

— Давай, пап. Пойдем на свежий воздух.

Я улыбнулся.

— Да, выведите его на улицу, пока еще можете. Он не долго пробудет свободным человеком, — пожилые мужчины и женщины, сидящие у меня за спиной, заворчали и стали одобряюще перешептываться.

Стелла повернулась и сделала шаг ко мне. Ее милые ручки были сжаты в кулачки, и я мог почувствовать, как сильно она хотела меня ударить. Моя холодная кровь подогрелась на градус или два, и быстрая, словно вспышка, мысль о том, как я задираю ее юбку и нагибаю над столом советника, возбудила меня.

Делая глубокий вдох, она разжала кулаки и расслабила пальцы в пятнах от краски. Кажется, она как следует поразмыслила и передумала оставаться со мной лицом к лицу. Слишком плохо. Она развернулась и взяла отца под локоть. Дилан оскалился в ухмылке, когда прошел мимо, но я лишил его удовольствия, даже не посмотрев в его сторону.

Я продолжал рисовать Стеллу у себя в голове, наслаждаясь тем, как согревала меня ее ненависть.

Присяжные вернулись менее, чем через час.

Они заходили в зал заседания один за другим, и старшина присяжных передал судье вынесенный вердикт. Присяжные не бросили ни единого взгляда на мистера Руссо. Их вердикт не мог быть более очевидным.

— Всем встать, — голос пристава заставил всех в зале суда подняться, когда судья Монтанье прошелся глазами по форме с вердиктом, его рот двигался, беззвучно произнося слова.

— Думаю, здесь все в порядке. — Судья передал вердикт обратно старшине, и тот вернулся на скамью присяжных. — Присяжные достигли единогласного решения?

— Да, Ваша честь, — ответил старшина.

— Прошу, зачитайте его вслух.

Присяжный прочистил горло и бросил короткий взгляд на мистера Руссо.

— Мы, присяжные, считаем Леона Руссо виновным по всем статьям.

Вздохи одобрения послышались из зала. Мистер Руссо поник в своем кресле, а Стелла поспешно положила руку на его плечо.

— Папочка, все будет хорошо. Все будет хорошо, — ее настойчивый шепот был ложью. Я позабочусь об этом.

— Вы хотите, чтобы я опросил каждого из присяжных по отдельности?

— Обвинение ответит «нет», Ваша честь, — я застегнул пиджак и вышел из-за стола советника.

— Защита?

— Нет, Ваша честь.

Судья повернулся к присяжным.

— В таком случае, все свободны. Спасибо за вашу службу, — судья Монтанье стукнул молотком, и толпа у меня за спиной принялась громко обсуждать процесс.

Присяжные покидали свои места. Я пожимал руку каждому из них, пока они выходили, и уверял, что они поступили правильно. Они улыбались и кивали, потому что я говорил им именно то, что они хотели услышать.

Как только я пожал руку последнему, то прошел в зал и получил похлопывания по спине и «благослови вас Бог» от потерпевших, у которых на глазах были слезы. Я понял, что мне придется сжечь костюм после всех этих прикосновений. Эти люди вызывали во мне отвращение не меньше, чем мистер Руссо, но я нацепил, как говорится, милую улыбку, и принимал их поздравления и грязные «спасибо».

Пострадавшие в конечном итоге покинули галерку и направились к лифту. Комната понемногу пустела, пока в ней не остались лишь осужденный, Стелла, Дилан и я.

Стелла не проронила ни слезинки, даже когда ее отец превратился в рыдающую лужу. Дилан пытался успокоить его глупостями, навроде «апелляция» или «они не могут сделать этого». Мистер Руссо станет холодным трупом до того, как об этой апелляции услышат.

Мне стоило уйти. Но я никогда не был тем, кто отвергал возможность нанести последний болезненный удар. Я обошел стол и встал лицом ко всем троим.

— На следующей неделе под мою диктовку судья Монтанье озвучит приговор. Таким образом, вы начнете отбывать срок как можно скорее. Это даст вам больше шансов на выход из тюрьмы до того, как вы умрете. Хотя, и мне немного жаль так говорить, это маловероятно.

Рыдания мистера Руссо усилились.

— В вас не осталось ни капли благородства? — обвинение Стеллы пошло ошибочным путем, учитывая, что во мне было больше благородства, чем в любом из них.

— Я лишь пытался помочь, — ухмыльнулся я.

Девушка выпрямила спину, темно-серый оттенок юбки надетого на ней костюма придал ее глазам суровости.

— Вы — головорез. Угроза, расхаживающая в обличии святого. Я вижу вас насквозь.

— Можете и дальше так считать. Но я не думаю, что присяжные с вами согласны.

— Син? — позвал судья Монтанье от двери в его кабинет.

Губы Стеллы сжались в тонкую линию, а Дилан подошел к ней вплотную.

— Иду, судья, — отозвался я. — Увидимся на следующей неделе. Не опаздывайте, мистер Руссо. Вы до сих пор под подпиской. Просто имейте в виду, что я заставлю шерифа Вуда приволочь вас сюда, если мне понадобится, — я бросил Стелле милую улыбку и развернулся на пятках, направляясь напрямиком в кабинет судьи.

— Увидимся, — ее голос донесся до меня как раз перед тем, как за мной закрылась дверь.

ГЛАВА 6

— Можно войти? — Тедди прошел и плюхнулся на мою кровать.

Я пригладил застегнутую на все пуговицы рубашку, хоть она и была идеально отутюжена.

— Нет.

— Почему нет? — Он подбросил бейсбольный мячик вверх и поймал его. Снова подбросил, не удержал, и тот ударил его по носу.

Я рассмеялся, а Тедди выругался и принялся раскачиваться на моей кровати.

— Молодец, Тед.

Если и было светлое пятно в моем темном существовании, так это мой самый младший брат. Моей семье каким-то образом не удалось истребить искру, которая теплилась у него внутри. А была ли у меня когда-нибудь такая искра?

— Заткнись, — он сжал переносицу и поморщился, его голос превратился в гундосое нытье. — Почему я не могу пойти?

— Потому что ты не приглашен. Кроме того, это в доме Кэла.

Он скорчил гримасу.

— Не обращай внимания. Я рад, что не приглашен.

— А я приглашен? — Люций вошел в комнату и забрал мяч у Теда.

— Он мой.

— Больше нет, — Люций подбросил его и поймал буквально над пахом Тедди.

— Не круто, чувак, — поморщился Тед.

— Нет, было бы не круто, если бы я не поймал его.

— Вы двое — тупоголовые. Я пошел в свою комнату, — Тедди встал и осторожно прикоснулся к переносице.

— Ты все еще красавчик. Переживешь, — Люций занял место Теда на кровати.

— Увидимся, когда вернусь, Тедди. Хорошо? — улыбнулся я ему в зеркале. Не могу сказать, настоящая это была улыбка или фальшь.

Парень ответил улыбкой, так что все-таки мне удалось изобразить искренность.

— Ага. Позже увидимся.

— Не переживай, маленький братец, — ухмыльнулся Люций. — Я останусь здесь и позабочусь о тебе, вытру попку, намажу детским лосьончиком, подержу твой пенис пока ты писаешь, и все прочее.

Тедди показал ему средний палец и вышел в коридор.

— Перестань так дразнить его, — я накинул галстук на шею и принялся завязывать узел.

— Ему нужно стать жестче, если он собирается оставаться с нами.

— Надеюсь, что ему не придется этого делать. Поступив в медицинский колледж, он уедет отсюда. Подальше от всего этого, и от нас.

— А что в нас плохого? — Люций бросил мяч и снова его поймал.

— Он не... — мои пальцы замерли на галстуке. — Он не заслуживает такой жизни.

Люций пожал плечами.

— Думаю, ты его недооцениваешь.

— Я не говорю, что это плохо. — Закончив с галстуком, я проверил его. Узел идеальный, а глубокий синий цвет подчеркивал рубашку. — Я хочу, чтобы он остался таким, как есть. Не хочу, чтобы он превратился в...

— Тебя? — Люций закончил предложение за меня.

Я вскинул голову, глядя на него из зеркала.

— Есть нечто похуже, чем он мог бы стать. *Тобой*, например.

— Ему бы повезло.

Я принял душ и побрился. Мои темные волосы были гладко уложены назад. Безупречность была моей любимой формой контроля.

— Как думаешь, он когда-нибудь повзрослеет и сделает татуировку? — спросил брат.

— Это не имеет значения. Он — Вайнмонт, независимо от того, есть у него герб на коже или нет.

— Думаю, сделает. Все девушки в Бэйтон Рог захотят оказаться на его члене, если он покажет виноградные лозы на руках.

Я вытащил запонки из маленькой коробочки на комод.

— Возможно.

— Блядь, здесь не бывает «возможно». Цыпочки любят татуировки. Я не против обработать женское общество. Найти киску посвежее.

— Они, может, и будут заинтересованы в нем, но я заметил, как он бросил несколько флиртующих взглядов на нашу новую служанку.

— И ты позволишь ему это?

— Нет, — я поднял брови, глядя на него из зеркала, пока он продолжал подбрасывать мяч. — Ты знаешь, что такого рода отношения не разрешены. Она — прислуга. Он — Вайнмонт.

— Да ладно, ты трахал баб не из высшего общества.

Как только рукава рубашки приняли безупречный вид, я скользнул руками в пиджак.

— Не тех, которые прислуживали в моем доме. Нет.

— Не думаю, что будет настолько уж ужасно, если он смочит свой член в ее киске. Это все, о чем я говорю.

— И ты ошибаешься, как и всегда. — Я выбрал пару черных полуботинок и зашнуровал их, пока задавался вопросом, что поджидает меня в доме Кэла.

Приглашение в поместье Оукмэн было не тем, что воспринимается, как само собой разумеющееся. Кэл Оукмэн — Суверен — контролировал слишком много, имел чересчур большое количество союзников, и становился опаснее с каждым годом своего правления. Я не знал, в честь чего устроена вечеринка, но точно знал, что ничего хорошего ждать не следует. За последние десять лет он оставлял Вайнмонтов самих разбираться со своими проблемами, всего лишь бросая пару слов, когда решал увеличить свою долю в сахарном

бизнесе нашей семьи.

Мы тихо вели свое существование под его колпаком, пока неделю назад не прибыло его приглашение с изображением такого знакомого дуба на восковой печати. Ужас пленил мой разум, пока я открывал письмо. Обед в доме Оукмэн, незадолго до дня начала судов Приобретений — ничего хорошего из этого получиться не могло. Я выпрямился и развернулся, чтобы покинуть комнату.

— Ты уверен, что я не могу поехать?

— Уверен.

Люций последовал за мной в коридор и вниз по лестнице.

— Ты знаешь, чего он хочет?

— То же, что и всегда. Слишком многого.

— Думаешь.... — Люций не решался, стоя на последней ступеньке, пока Фарнс, нап дворецкий, открывал для меня парадную дверь.

Я остановился и позволил Люцию задать свой вопрос. Тот самый, который преследовал меня с момента получения приглашения.

— Думаешь, в этом году будем мы? — Ожидание в его голосе показало мне, что он думал об этом, как о деловой сделке. Быть избранными — это путь к богатству и, очевидно, положению в обществе. Но была и другая сторона медали, цвет которой был намного темнее. Сторона, о которой он не знал.

— Вот как раз и выясню, — я распрямил плечи и вышел навстречу ночи.

ГЛАВА 7

Примерно двадцать машин стояли в ряд перед пышно украшенным поместьем Оукмэн. Дом, спроектированный в версальском стиле, но с большей помпой, доминировал над акрами идеально подстриженного газона вокруг него. Окна проливали свет во мраке, и небольшое количество гостей поднималось по ступенькам к парадному входу.

Люк, мой водитель, остановил машину перед рядом других автомобилей. Лакей открыл нам дверцу, и я вышел на удушливую южную жару. Быстро прошел по ступенькам и вошел в величественный замок. Хрустальные люстры, висевшие в ряд на потолке в главном коридоре, освещали все вокруг, пока гости вечеринки разбредались группками.

— Синклер, друг мой! — Кэл зашагал ко мне и пожал руку. — Добро пожаловать, добро пожаловать. Очень рад, что тебе удалось выбраться.

Будто у меня по факту был выбор. Отклонение приглашения Суверена привело бы к невообразимому количеству последствий, о которых я даже не хотел думать.

— Спасибо за приглашение, — улыбнулся я, в то время, когда высокая, очень стройная рыжая девушка в светло-голубом платье не подошла к нему и не взяла его под локоть.

— Гретхен, любовь моя, где ты была? — Кэл скользнул рукой по ее попке.

Она поморщилась.

— До сих пор больно от ранних забав, солнышко? — он шлепнул ее по задку. Она прикусила губу, а влага наполнила ее остекленевшие глаза. — Вот, что мне нравится видеть, — он наблюдал, как по ее нарумяненной щеке стекла слеза. — Син, отправляйся в обеденный зал. Мы вот-вот начнем.

— Звучит прекрасно, — я повернулся и услышал еще один шлепок вместе с

болезненным вскриком. Кэл всегда был садистом. Рыжая не понимала этого, но ей еще и досталось не так много. Он был способен на вещи намного, намного хуже.

Еще один хлопок и стон боли догнали меня, когда я уходил вглубь по коридору. Я улыбался, когда это казалось уместным, и пожимал руки другим гостям.

— Вайнмонты приглашены? А я думал, это будет классический вечер, — Рэд Визэрингтон сердито посмотрел на меня, стоя среди группы своих друзей.

— Жаль видеть, что после того, как я выбил из тебя дерьмо прошлой весной, твои манеры не улучшились, — ухмыльнулся я, и его лицо поникло. — Но я всегда готов попытаться еще раз.

— Тебе повезло, что мы в доме Кэла, — он сделал шаг ко мне. — В любом другом месте я вырубил бы тебя к чертям собачьим.

Я прыснул со смеху.

— Ты всегда был таким находчивым. Я расскажу твой сестренке об этом шоу сегодня, как только она перестанет называть меня папочкой. А она любит покричать. Ты знал?

— Ебаный урод! — Рэд ринулся на меня, но один из его друзей удержал его. Парню повезло.

Я оставался непоколебимым, даже когда он пытался вырваться вперед и атаковать.

— Увидимся за ужином, Рэд. Надеюсь, ты покажешь свои лучшие манеры перед Сувереном.

— Ублюдок!

— С твоей сестрой, может быть, — я прошел мимо него, пока друзья пытались утихомирить его.

Я был более, чем счастлив выйти и выбить Рэда в нокдаун, но у меня найдутся более неотложные дела. Отвечая приветствием на приветствие, я продолжил свой путь по коридору.

Только избранные семьи луизианской элиты были приглашены сегодня, хотя я не мог сказать, в чем была значимость приглашенных в списке. Здесь были и другие сахарозаводчики, типа меня, да, но также и банкиры, политики, ювелирные магнаты, текстильные производители и еще десяток других.

Даже если положение собравшихся ничего собой не представляло, сроки говорили сами за себя. Начало судов Приобретения всего через неделю. Ходили слухи, что Кэл уже выбрал участников и встретился с ними. Возможно, эта вечеринка была лишь для того, чтобы их поздравить. Но тревога у меня в желудке говорила обратное.

Мой дискомфорт рос с каждым шагом к залу. Несколько гостей уже были внутри, разговаривали между собой.

— Син, — София проскользнула рядом, ее серебристое платье искрами переливалось на свету. — Давно не виделись. Где Люций?

Я улыбнулся ее темным глазам.

— Он не был приглашен. Кроме того, разве меня недостаточно?

Она позволила своему взгляду пройтись по моему телу вниз и обратно.

— Тебя более, чем достаточно. Мы не виделись с тобой длительное время. Как проходят будни слуги народа?

— Хорошо. Слишком много отребья, как по мне, но переживу. Как там работа штатного юрисконсультанта? До сих пор наслаждаешься?

Она сморщила свой идеальный нос.

— Мне бы стало ненавистно иметь дело с низшим классом на постоянной основе. Не знаю, как ты справляешься. — Она перекинула свои шелковистые темные волосы через плечо, открывая гладкую и загорелую кожу. — Работа в штате приносит больше удовольствия, хотя иногда и поглощает тебя с головой. Но мне все-таки удастся немало попутешествовать...

В коридоре прогремел голос Кэла:

— Давайте начинать.

— Увидимся позже, — она мелькнула вкрадчивой улыбкой прежде, чем отойти к противоположному концу стола.

Я выбрал место у дальнего края: оттуда удобнее наблюдать за Кэлом и другими гостями. Он вошел, выпятив грудь вперед, и широко раскинул руки.

— Добро пожаловать. Добро пожаловать всем. Прошу занять свои места, — шагая к месту во главе стола, он жестом приказал всем сесть

Корделия Шоу опустилась на место справа от меня, Боб Иглтон — слева. Мы обменялись любезностями, пока официанты выставляли хлеб и закуски на стол.

— Как думаешь, зачем мы здесь? — прошептала Корделия ярко-красными губами. Она была старшей в семье Шоу, ее белокурые волосы и яркие голубые глаза превращали ее в одну из самых красивых женщин за столом.

— Без понятия, — я вонзил вилку в лист салата-латука. — Но бал на следующей неделе.

Она содрогнулась возле моего локтя, коснувшись меня торчащей грудью через тонкую ткань платья.

— Я надеюсь, меня не выберут.

Мое желание полностью совпадало с ее, но существовала некая часть меня, которая хотела заполучить корону и все прилагающиеся льготы. Главенство в высшем обществе принесло бы мне запредельное богатство и силу. Я рассматривал ряды людей, их сверкающие драгоценности, изучал их манеры и жесты, пропитанные роскошью и привилегиями. Править ими стало бы увлекательной игрой, такой, которая могла бы удовлетворить меня на протяжении следующих десяти лет. Но призрак моей матери предостерегал меня от подобных желаний — ее сломленный разум был мощным аргументом против участия в судах Приобретений.

— Думаешь, это будешь ты? — прошептала Корделия, пригубив вино.

Не растеряв равнодушия, я аккуратно намазывал масло на хлеб.

— Слышал, он уже выбрал.

Она покачала головой, отчего ее крупные серьги с бриллиантами раскачались.

— Это только слухи. Думаю... думаю, он выбирает сегодня.

— Посмотрим.

Разговоры вокруг нас продолжились, когда убрали тарелки после первого блюда, и официанты принесли нам основное. Боб расплескал половину своего бокала еще в то время когда подали закуски, и обвинял персонал в том, что они испортили его рубашку и костюм. Его круглый живот принял на себя основной удар, и винное пятно разрасталось на туго натянутой ткани, словно кровь. Несмотря на свою неудачу, он быстро справился с филе, словно никогда прежде не пробовал мяса в сочетании с аппетитными нотками розмарина и чеснока.

Как только мы покончили с основным блюдом, Кэл встал. Стук столовых приборов за столом стих в то же мгновение.

— Внесите десерт.

Волна официантов заполнила зал, неся аккуратные шоколадные тортики на тонких плитках золота. Мой желудок свернулся в узел. Я узнал золотые «тарелки». Они были приглашениями на бал Приобретений. Я видел похожие десять лет назад, но не посещал балы или суды лично. В этом году с Кэлом во главе все будет по-другому. Он, очевидно, жаждал закатывать балы на широкую ногу.

Один из официантов поставил маленький тортик передо мной. Шоколадная масса в форме маленького цилиндра с углублением по центру.

Кэл хлопнул в ладоши, и звук прозвучал, словно выстрел.

— Все вы знаете, что бал Приобретений будет проведен здесь на следующей неделе. Остальные приглашения, даже пока мы сидим здесь, направляются через юг — и страну, раз на то пошло, — к своим адресатам. Это будет невероятный год. — Он улыбнулся и провел рукой по своему галстуку. — Вы все запомните этот год Приобретений, как один из самых знаменательных за всю свою жизнь. Это я вам гарантирую.

По комнате прокатилась слабая волна скромных аплодисментов.

— Стоп, стоп. Вы мне льстите, — его улыбка стала еще шире, слишком белые зубы разделили лицо пополам. — Но есть еще одна вещь, которую мне нужно сделать до того, как мы начнем. Мне нужно выбрать участников.

В комнате повисла такая тишина, что, казалось, присутствующие даже перестали дышать.

— Перед вами — испорченный десерт, — Кэл указал на стол.

Я посмотрел на безобидный тортик. Внутри было что-то гнилое?

— Он вкусный. Я даже попробовал один перед обедом, — он похлопал себя по животу, делая акцент. — Насколько вам известно, я люблю сюрпризы. Так что, мои три избранные Приобретателя найдут внутри своих десертов нечто иное, чем остальные. Вы узнаете, как только увидите, леди и джентльмены.

Он поднял свой бокал.

— Возьмите ложки и отведайте.

Гости медлили, некоторые с силой зажмуривали глаза, желая избежать того, что должны увидеть. Я взял свою ложку и провел ею по гладкой поверхности десерта, пытаюсь понять, взорвется ли он мне в лицо, или ложка просто окупнется в жидкий шоколад.

— Слава Богу, — Корделия разрезала свой торт. Темный шоколад каскадом стекал по краям, и она расколола его на две половины, чтобы быть полностью уверенной. Это был обычный десерт, ничего больше. Она уронила свою ложку, словно та обожгла ей пальцы. Тихие вздохи послышались отовсюду из-за стола.

— О. — Боб сплюнул в свою салфетку. — До чего мерзкий вкус.

Его золотая тарелка была покрыта красным, и отчетливый запах меди доносился от теплой жидкой начинки.

— Это кровь.

Он пожал плечами и вытер красную жидкость с губ. Мерзость.

Возглас прозвучал с другого конца стола. Это был Рэд Визэрингтон.

— Блядь, да! — рассмеялся он.

Кэл улыбнулся ему, а затем осмотрел стол. Когда его глаза нашли меня и не двинулись дальше, волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Еще один, — сказал он, не отрывая взгляд от меня. Остальные заметили это и начали

смотреть, ожидая открытия.

Пути назад не было, невозможно было остановить неизбежное. Я погрузил ложку в торт. Она вошла с легкостью. Начинка не вытекла через край углубления, когда я достиг кончиком ложки золотого дна. Я слегка крутанул ее внутри. Каскад крови окутал серебро и вылился на золото.

Не было ни единого сомнения в том, что слова, выгравированные на золотой поверхности под тортом, теперь темнели от алого цвета.

Синклер Вайнмонт. Приобретатель.

ГЛАВА 8

Я уставился в потолок. Последние две ночи, с тех пор, как вернулся с ужина у Кэла, я делал только это. Правила звучали в моей голове снова и снова, пока я обводил комнату взглядом. Три Приобретателя, один победитель. Для Вайнмонтов победа станет цементным фундаментом на верхушке общества. Богатство, привилегии и свобода прожить наши жизни так, как мы хотим.

Проигрыш... Я закрыл глаза. Я не стану думать о проигрыше. Сбрасывая простыни, я встал и отправился в душ. Заседание по делу мистера Руссо начнется через два часа.

Я не стал включать свет в ванной, впитывая темноту, пока теплая вода каскадом стекала по моему телу. В черном мраке ванной комнаты я не мог сказать, была ли это вода, или что-то другое.

Рыжие волосы, зеленые глаза, сливочная кожа — Стелла плыла по кровавой реке, которая протекала в моем разуме. Я хотел ее для себя. Мне нужно было заклеить ее на своих условиях, владеть ею и в итоге сломать. Огонь внутри нее манил меня, и я так отчаянно желал почувствовать этот ожог. Но игра больше мне не принадлежала. Если прежде я только хотел ее, то теперь она была мне необходима.

Хватит ли огня внутри нее, чтобы пройти через суды?

Смывая с себя пену под струями теплой воды, я был готов пустить свои планы в ход. Побрившись и одевшись, я отправился в город. Конкретно — в кабинет судьи Монтанье. Он ждал внутри, его секретарь стоял голышом на четвереньках на полу. Тонкая струйка крови стекала по его бедру. Я проигнорировал его слезы и плюхнулся на диван рядом с судьей. Он сжал зубами сигару, сделал затяжку и выдул клуб дыма в лицо секретарю.

— Утро началось определенно хорошо, — улыбнулся судья. — Оденься и выметайся. — Он пнул клерка, который поспешно оделся и исчез в прилегающем офисе.

— Я слышал о выборе Кэла, — судья длинно затянулся сигарой, кончик которой загорелся оранжевым.

Я кивнул и провел руками по бедрам.

— Да.

— Ты выбрал Приобретение?

— Да, — я вытащил стопку бумаг и передал ему.

Он просмотрел их и улыбнулся.

— Умный малый. — Судья поднялся и прошаркал к своему столу. Вытаскивая ручку, он подписал документы размашистым почерком и сложил их. Используя свою зажигалку,

чтобы подогреть маленький комочек воска, он прижал его к бумаге, а затем приложил к ней свою печать. — Здесь все готово, — он передал бумаги мне.

Я подул на печать. Судья посмотрел на меня и облизнул губы.

Удостоверившись, что воск затвердел, я поместил документы в карман рядом с их копией.

Он откинулся в своем кресле и потер колени.

— Проклятье, эти полы становятся тверже с каждым прожитым годом.

Я кивнул в немом согласии, несмотря на свое отвращение.

Судья застегнул на себе мантию до верха, придав своему облику абсолютно приличный вид.

— Думаю, пора вставать. Настало время вынести приговор. — Поднявшись на ноги, он неуклюже направился к двери, ведущей в зал заседания. — Так что, *Советник*, думаешь, сможешь заполучить ее?

Встав и последовав за ним через дверь, я крепко удерживал свою маску на лице.

— Я знаю, что заполучу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net